

УДК 94(470.6)»17/1917»

ББК 63.3(235.7)5

Ч 54

А.К. Чеучева,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-918-227-09-93, e-mail: anjela.cheu4eva@yandex.ru

И.К. Брантова,

кандидат социологических наук, доцент, помощник главы Республики Адыгея, г. Майкоп, тел.: 57-04-40, e-mail: BrantovaInna@yandex.ru

Абадзехия: опыт социокультурной реконструкции (по материалам «Абадзехского сказа» З.-хаджи Брантова)

(Рецензирована)

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения истории адыгов-абадзехов в их пространственном измерении с помощью метода социокультурной реконструкции. Предметом исследования в статье являются вопросы социальной организации, хозяйственной и религиозной культуры адыгов-абадзехов. Цель — историческая реконструкция абадзехского общества на основе анализа материалов «Абадзехского сказа» З.-хаджи Брантова. Исследование источника позволило создать целостную картину функционирования в XIX в. культурно-исторической области Абадзехия.

Ключевые слова: абадзехи, адыги, язычество, христианство, ислам, наиб, шариат, Черкесия.

A.K. Cheucheva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Adyghe State University, Maikop, tel.: 8-918-227-0993, e-mail: anjela.cheu4eva @ yandex.ru

I.K. Brantova,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Assistant of the Head of the Republic of Adyghea, Maikop, tel.: 57-04-40, e-mail: BrantovaInna@yandex.ru

Abadzekhs: experience of social and cultural reconstruction (based on «the Abadzekh tale» by Z. Hadji Brantov)

Abstract. Relevance of research is determined by the need to study the history of Adygs — Abadzekhs in their spatial dimension using the method of social-cultural reconstruction. The subject of the research in the article are questions of social organization, economic and religious culture of Adyghs-Abadzekhs. The purpose is historical reconstruction of Abadzekh society on the basis of analysis of materials of «the Abadzekh tale» by Z. Hadji Brantov. The study of the source allowed creation of a complete picture of the cultural and historical area of Abadzekhs in the 19th century.

Keywords: Abadzekhs, Circassians, paganism, Christianity, Islam, naib, Sharia, Circassia.

Изучение традиционного адыгского общества наталкивается на основную проблему — почти полное отсутствие аутентичных для адыгского общества источников. Одним из немногих адыгских источников этой эпохи является «Абдзэхэкъэбар» («Абадзехский

сказ»), Зачерия-хаджи Брантова [1]. В этом произведении подробно описывается жизнь адыгов-абадзехов с древнейших времен до конца XIX в., что позволяет нам исследовать их социальную организацию, хозяйственную и религиозную культуру.

Повествование З. Брантова начинается с главы «Адыгэмылгъапсэр» («Корни адыгов»). По данным автора, свое происхождение адыги ведут от двух личностей — Кэтай-отца и Кутай-матери. Их сына звали Адыг. У Адыга было семь сыновей: Кумук, Кабертай, Карачай, Чемгуй, Абдзах, Бжедуг, Шапсуг. Впоследствии каждый из них обзавелся семьей. Эти семь семей семь тысяч лет назад из Кэтайской области переселились на Кавказ на постоянное место жительства. Язык, которым они пользовались до этого времени, они оставили потомкам Кумука, а свой новый язык создали сами. В течение нескольких столетий численность потомков этих родных братьев многократно увеличивалась, и впоследствии они занимали обширное пространство Кавказских гор. Оно простиралось от Каспийского моря до Черного [2]. Такая легенда, сохранившаяся в качестве предания в устной истории адыгов. Сегодня, ввиду отсутствия точной информации, мы не можем дополнить эти данные. Да и в нашем повествовании это не является главным. Важным являлось то, что эти предания связывали людей с их исторической родиной, помогали реконструировать прошлое в сознании адыгов.

В главе «Адыгэкъэбарыжъ» [3] («Старинный адыгейский сказ») повествуется о древнейшей истории абадзехов. По словам З. Брантова, абадзехи местом своего жительства избрали самую высокую гору Фишт, покрытую «белой шапкой» и летом и зимой. По мнению абадзехов, кто не побывал у подножия Фишта и не обошел эту гору, не мог оценить всю полноту жизни адыгов. К этой территории абадзехи чувствовали свою принадлежность и эмоциональную привязанность. Расселившись первоначально по берегам реки Мезмай, с ростом населения абадзехи значительно расширили места своего обитания. Они занимали территорию, ограниченную на юге Главным Кавказским хребтом, на востоке — рекой Белой (Шхагуаще), на западе — рекой Афипс. Все это довольно обширное пространство,

покрытое высокими горами, плодородными долинами, лесом, перерезанное множеством потоков, ущелий, оврагов и пропастей, было густо заселено. В предгорьях Фишта берут свое начало много рек и речушек. Среди них самые крупные — Пшиш, Псекупс, Куци, Цица, Пшеха, Цеци, Тхохо, Хидиджи, Фабгу, Ешако, Курджипс, Шхагуаще (Белая), Дахо, Мезмай, Псишур, Фарс, Лаба. Все эти реки впадают в реку Пшизэ (Кубань). По берегам этих рек и располагались поселения абадзехов. Каждое поселение включало примерно сто домов и занимало не менее семи квадратных верст [4]. Жилище защищалось высоким плетнем из терновых веток, окружающих большой двор. Внутри находились жилые помещения и хозяйственные постройки. Проживая в труднодоступной местности, адыги не нуждались в оборонительных оградах, густой лес, окружающий двор, служил убежищем в случае опасности. Адыгские дома делались из плетня, обмазывались глиной и крылись камышом или соломой. Такое жилище в случае войны быстро разбиралось, главные части постройки перевозились на новое место. С этой целью плетеные стены не соединялись наглухо в углах, место стыка смазывалось снаружи и внутри глиной. Переселения делались целыми аулами и социальными группами [5].

Описывая абадзехов в главе «Мэзмаеабдзахэмэ хап1э зэрэщаубытыгъэр» («Абадзехи выбирают себе место жительства в Мэзмае») [6], З. Брантов подразделяет их на горных и равнинных. Горные, именуемые в источниках еще как «дальние абадзехи», жили в отдалении от кордонной линии. Среди адыгского населения они получили название «истые абадзехи». Другая часть абадзехов, занимавшая земли от Афипса до Лабы, называлась «равнинными или ближними абадзехами».

Часть горных абадзехов проживала изолированно в горах, в местности под названием Туба, граничащей с землями Убыхии и Шапсугии. Это место считалось священным у адыгов. Ему уделено достаточно внимания в повествовании автора. Сообщается, что

пять семей из мезмайских абадзехов решили подыскать себе место для постоянного проживания. Местом поселения они избрали старое селище Туба, которое когда-то было местом обитания других адыгейских племен. Заселение Тубы произошло, по мнению автора, много тысяч лет назад. Место под Тубой было на редкость привлекательным для проживания людей и для ведения домашнего хозяйства. Автор называет это место прекрасным. В предгорьях берет свое начало река Пшеха, которая затем пересекает обширное поле, подкупающее своей красотой. Со всех сторон поле было окружено горами, которые покрывали прекрасные леса с высокими стройными деревьями. И летом и зимой вершины этих гор были покрыты снегом. Территория всей Тубы, включая леса, воды и пахотные земли, составляла около тысячи десятин [7]. Зерновые культуры давали обильный урожай. Особенно хорошо давали урожай кукуруза, ячмень, разные сорта проса и фасоль. Обильный корм и мягкая зима способствовали успешному разведению домашних животных. В окрестностях хорошо росли и плодоносили фрукты, каштаны, фундук, грецкий орех, виноград. В лесах водилось множество диких коз, оленей, косуль, свиней, медведей, львов, тигров, лис, белок. Абадзехов, проживающих в Тубе, насчитывалось около 1 500 семей.

Попасть в Тубу было сложно. В это отдаленное место вела одна дорога, по которой невозможно было проехать на телеге или верхом на коне. По обеим сторонам тропы, на протяжении 50 саженьей [8], были вбиты острые колья, чтобы неприятель не мог пробраться в Тубу. Чтобы туда пройти, надо было спешиться, и, держа коня под уздцы, продвигаться вперед, затем вброд по реке Пшеха. Абадзехи, проживающие в Тубе, в период Кавказской войны не воевали с русскими, не подчинялись наibu [9], Магомет-Амину, который и не предпринимал попыток подчинить их своей власти и обратить в ислам. В 1862 г. царские войска разогнали живущих там абадзехов, отняли иму-

щество. Многие из оставшихся уехали в Стамбул, остальные попали в плен.

Общественное управление абадзехов было простым и органичным. Население подразделялось на 62 рода. Не имея князей и других избранных предводителей, абадзехи на сходах назначали временного предводителя, которому все подчинялись в тот день.

Существовали и формы представительной демократии. Так, например, в 1859 г. 12 мужчин, избранных от 12 округов во главе с наибом Магомет-Амином, отправились в Майкоп к войсковому начальнику генералу Г.Х. Зассу для ведения переговоров.

Для разбора имущественных споров и решения других претензий друг к другу был избран совет — Хасэ из трех наиболее умудренных опытом стариков. В сложных ситуациях, когда из-за отсутствия свидетелей не могли установить истинных виновников или оправдать невиновных, подозреваемых заставляли поклясться в священной горной пещере. Люди не смели сказать неправду. Мы видим пример священного права, которое является последней инстанцией при решении сложных дел. Право оказывалось тесно связанным с религиозными ритуалами, вплетенными в повседневную жизнь.

При рассмотрении дел, связанных с гибелью людей или нанесением ран, налагали следующее наказание: за убийство полагалась смерть, или убийцу заставляли платить «кровный штраф». За ранение полагалось уплатить половину суммы штрафа или нанести такую же рану. Украденное заставляли вернуть законному владельцу, потерянное имущество помогали найти.

Охрана границ осуществлялась за свой счет, так как речь шла о защите своего народа. За эту службу не получали никакой платы. Как подчеркивает автор, побуждаемые своей совестью, храбростью и горячностью, люди сами принимали такое решение. Если воин погибал или получал тяжелую рану, то о нем слагали героическую песню с восхвалением его подвигов. Песни также клеймили позором трусов.

Их сочиняли певцы и сказители — джегуако. Джегуако, исполнив песню, должен был рассказать историю, положенную в ее основу. Не имея письменности, адыги на протяжении столетий сохраняли информацию в устной традиции. Песня была одним из способов передачи и сохранения информации потомству. Песни исполнялись во время работы в поле, похода, привала, на народных собраниях и различных праздниках, и, главным образом, в комнатах для приема гостей — хачецах. Каждый хозяин старался, чтобы его хачец был хорошо убран, оснащен самыми лучшими музыкальными инструментами. Если его посещали почетные певцы и сказители, это делало популярным в народе и имя самого хозяина. Адыг, возвращающийся с поля домой, думал, куда ему пойти, у кого сегодня будут хорошие певцы и сказители.

Имея статус независимого сообщества, абадзехи принимали беженцев из Кабарды, Бжедугии, Чемгуя и др. территорий. Чаще всего это были крепостные крестьяне, которые просили защиты от притеснений своих владельцев. Во многих случаях преследуемые затем переселялись в Стамбул. Много солдат и казаков из России переселялось в Абадзехию на постоянное жительство, обзаводились семьями. Работая на земле, здесь можно было обеспечить скромное, но достойное существование. В землях абадзехов не было нищих [10].

Единицей обмена являлись томэны. По свидетельству автора, один томэн равнялся десяти рублям — это была стоимость одной коровы. Взрослая телка оценивалась в половину стоимости коровы. Вол стоил два томэна. Лошадь можно было купить за три-пять томэнов. Ружье стоило три-четыре томэна, меч мог стоить пять-десять томэнов. Хачец являлся местом торгов.

Абадзехи преимущественно были крестьянами-земледельцами, возделывали разные злаковые культуры, разводили домашних животных и пчел, занимались садоводством. Были развиты разнообразные ремесла. Хоро-

шие ремесленники высоко ценились в обществе. Они славились изготовлением циновок, бурок. Многие семьи специализировались на изготовлении этих изделий и продавали их по стране [11].

Одежду шили и изготавливали женщины в основном из овечьей шерсти. Мужчины носили черкеску, брюки, бурку, башлык, овечью шубу, майст [12]. Женщины носили платье, шаровары, кафтан, майст, сафьяновые чувяки, шапочку вышитую золотыми нитками, посеребрённый пояс, пуговицы к одежде, высокие деревянные башмаки. Косы и пряди волос укладывались в соответствии с адыгской модой. Исследователи подчеркивают, что абадзехи одевались просто и вместе с тем щеголевато [13].

По свидетельству З. Брантова, абадзехские девушки рано не выходили замуж, вплоть до 30-35 лет. Это, по его мнению, было вызвано тем, что они обучались ведению домашнего хозяйства. Главным критерием оценки женщин считались хозяйственные навыки. Хотя автор отмечает и тот факт, что красота прославляла девушек и делала их объектом притязаний многих женихов. Так, в главе, посвященной свадьбам «Абдзэхэпщынэо 1азэхэр, джэгок1о 1азэхэр» («Знаменитые абадзехские гармонисты и сказители») [14], он пишет, что в 1855 г. в Абадзехии жили три известные девушки, судьба которых сложилась по-разному, в зависимости от брачных перспектив. Одна из них, Мамрукова Щаца, жила в местности Дахо. Хакуринов Дещен решил жениться на Щаце и посватался к ней. Та ответила, что не выйдет за него, ибо есть у нее еще более достойные женихи. Дещен поклялся, что убьет Щацу и ее избранника. Услышав о такой страшной клятве, никто из молодых людей не осмелился жениться на ней. После этого Мамрукова Щаца уехала в Стамбул.

Вторая прославленная красавица, Четаова Хасас, жила в селении Хиджи. Сын темиргоевского князя Болотокова Айтеча, Асланчерий, объявил, что собирается жениться на известной

абадзехской девушке и поехал к ней с предложением руки и сердца. Та отказала ему. Князь спросил её, почему она не хочет стать его женой. Девушка ответила, что он — темиргоевский князь и должен жениться на достойной женщине, а она не станет таковой, ибо не знает, как надо себя вести княгине и как надо ухаживать за мужем-князем. «Я выйду замуж за такого мужчину, который умеет владеть тяткой и своим ружьем, ходит полоть свою долю земли, держа вместе свою тятку и ружье. И чтобы он, услышав о начале битвы, откладывает в сторону свою тятку и воевал вместе с другими, и возвращался домой с синими от пороха губами», — ответила она ему. «Урочище Хиджи освещает своей красотой, гордого князя ты вогнала в краску, красавица Хасас», — так пелось о ней в песне, добавляет автор.

Третья известная девушка, Хакуринова Хабиба, жила в ауле у реки Пхехопц. Сын Меретукова Хота посватался к ней. Несмотря на большое состояние жениха, девушка ответила отказом, аргументировав его тем, что ее руки и сердца добиваются более достойные мужчины. Тогда братья стали уговаривать свою сестру выйти замуж. Но девушка настаивала на том, что богатство жениха ее не интересует, а нужна слава, известность. После длительных уговоров она согласилась выйти замуж, потребовала устроить очень пышную свадьбу с подарками и скачками. Желание девушки было выполнено.

Незатейливые истории трех абадзехских красавиц помогают нам понять простые вещи, интересные тем, что рисуют картину внутренней жизни адыгов XIX в., их ценности, стереотипы поведения. Обсуждение жизни известных красавиц было своего рода светской хроникой Абадзехии, которой, как мы видим, далеко не чуждались и мужчины.

Сложную картину представляли религиозные верования адыгов. По свидетельству З. Брантова, адыги первоначально были язычниками. При этом признавали существование Бога,

считали, что Он — единственный во Вселенной, верили в Его могущество и поклонялись ему. В лесах выбирали красивые тенистые места со стройными деревьями, останавливали свой выбор на самом красивом и ветвистом, и в тени этого дерева организовывали свои моленья. Это место считалось священным.

По сообщению французского дипломата и путешественника А. де ла Мотрэ, посетившего Черкесию в 1711 г., горные адыги поклонялись деревьям, как друиды. Адыги не строили языческих храмов. Собираясь в определенные месяцы и дни, они образовывали процессии с зажженными факелами вокруг священных деревьев [15]. В сознании адыгов присутствовали и анимистические представления. Считалось, что у каждой реки, леса, горы есть свой особый дух-покровитель. Нередко им делали приношения из еды и питья, которые оставляли в лесу. Изготавливали маленькие деревянные изображения этих духов-покровителей.

В народе также бытовали предания о заколдованных горах, где злые духи стерегут клады, о крылатых змеях. Особенной славой пользовалась каменная громада между Мезыбом и Пшадом, где, по преданиям, был погребен древний владетель гор вместе со своими сокровищами. Считалось, что дух его охраняет гробницу, и если неприятель станет над этой могилой, то весь Кавказ будет потерян безвозвратно.

Русский этнограф А.О. Махвич-Мацкевич в исследовании, опубликованном в 1864 г., писал, что адыги-абадзехи верили в будущую загробную жизнь, где их ожидало вознаграждение, а не наказание. По их представлениям загробная жизнь сходна с земной, только лучше, спокойнее и никогда не прерывается смертью [16]. Абадзехи хоронили умерших в гробу. Надевали на усопшего лучшие одежды, в гроб клали все воинские доспехи: колчан, ружье, меч, кинжал. Ставили гроб прямо на землю, обкладывали его плоскими камнями, а затем обсыпали его землей. Более высокий и величественный курган над могилой

означал большую честь и славу. В основном похоронные и поминальные обычаи сохранили свои традиционные черты до наших дней.

В первой четверти XIX в. у адыгов сохранялось причудливое сочетание христианского и языческого мировоззрений. Французский аристократ на российской службе Т. де Мариньи, посетивший в 1820-е гг. территорию Черкесии, писал, что у адыгов пасха была самым торжественным праздником. Адыги почитали Аус Георга (греческого Иисуса), пророка Яллия (Илью), Моисея (Аймыс). Священным считалось имя Марии (Мерем). В Мезыбе, Пшаде, Вулане, Джубге, Нечепсуго, Псезуапсе о сильном христианском влиянии свидетельствуют названия дней недели у адыгов. Понедельник назывался плеупеу (начало), вторник — гоубхе (косарь), среда — перезкеси (малый пост), четверг — меафеук (посредине), пятница — перезкекоух (большой пост), суббота — мефезеакеуа (единственный день), воскресенье — т-хаумаф (Божий день). Название среды и пятницы — малый и большой пост, в основе слова лежит греческое «параскеви» (подготовка), свидетельствует о заимствованиях из иудаизма, потому что евреи в этот день готовились праздновать следующий день. Воскресенье считался божьим днем, и его адыги праздновали, как и христиане. Кроме этого, пятница именовалась «мерем» («Мариин день»), суббота — «щэмбэт» («шаббат»). Часть адыгов и до сих пор исповедует христианство. Это Моздокские адыги. В общем, оценивая ситуацию, де Мариньи подчеркивает неопределенность, царившую в религиозных представлениях адыгов, которая с каждым днем усиливалась. Последние следы христианства, стираясь, уступали место исламу, успехи которого были видны повсеместно [17].

Первое проникновение христианства на Северо-Западный Кавказ относится к VI в. Но для нас представляют интерес свидетельства, относящиеся к середине XIX в., годам жизни З. Брантова. Так, А.О. Махвич-Мацкевич считал, что христианство было

введено у абадзехов несколько сот лет назад генуэзцами, которые торговали не только с кавказскими горцами, но и через их посредничество вели обширную торговлю с Персией, Туркестаном и Китаем. В качестве доказательства он приводит развалины христианских храмов, находящиеся в разных местах, и многочисленные могилы с крестами. Им засвидетельствован обычай поклонения «животворящему кресту». Этот знак христианства находился в каждом доме. Даже те, кто принял ислам, в знак уважения к кресту нашивали его на намазник, т.е. ковер для молитвы. Вышивали его на том месте, где молящемуся приходится касаться ковра лбом во время поклона. Святость креста они объясняли тем, что «Еша (Иисус), Сын великого Та (бог) носил его на себе».

Абадзехи, по его свидетельству, не совершали никаких таинств, не знали и не чтити памяти ни святых, ни мучеников. Но почитали Божью Матерь и торжественно праздновали Успение. В этот день прекращались тяжелые работы, население одевалось празднично, пелись песни и раздавались ружейные выстрелы в честь Пресвятой Девы Марии. При праздновании дня Божьей Матери абадзехи совершали богослужение в лесу, под открытым небом, у сложенного в древности из грубых камней алтаря, в который был водружен старый деревянный крест, являющийся предметом их почитания. Ни храмов, ни часовен у абадзехов не было. В день празднования, к полудню мужчины и женщины в праздничных одеждах подходили к назначенному месту. Как правило, в одном месте собиралось более тысячи человек. Жрец, обычно седой старец, стоял у алтаря. Молодые парни подводили к нему жертвенных животных — четырех молодых быков, восьмерых баранов и восьмерых козлов. По обоим сторонам от жреца становились пять мальчиков — двое справа, трое слева. У первых в руках находились три деревянные, одна в другую вложенные, чаши, у вторых — деревянный кружок с тремя ножами различной величины. На каменном

помосте у алтаря ставились корзины с хлебом, лепешками, медом, маслом, сосуды с молоком. В отдалении от алтаря располагались мужчины, а за ними женщины. Присутствующие снимали шапки. За жрецом повторялась молитва, текст которой мы приводим по А. Махвич—Мацкевичу: «Та даге! Та шуга! Та мттики! Еша, Та-окъМара! Та-нанъ! Та,Та! то есть: Прекрасный боже! Великий Боже! Мы бедные!.. Иисусе, Сыне Божий! Мария, МатиБожиа! Боже! Боже!». Во время молитвы старик то поднимал руки к небу, то складывал их крестообразно на груди. Затем приносили в жертву животных и приступали к их приготовлению. Каждый, у кого была какая-либо особенная просьба, подходил к старцу и проговаривал ее, после чего жрец направлялся к алтарю и передавал ее. Считается, что все просьбы достигают великого Та через посредство жреца. После этого начиналась обеденная трапеза. Приношения, поставленные у алтаря, оставались нетронутыми. Они предназначались для путников. В жертвенную кровь обмакивали куски ткани, так как она считалась самым действенным средством против болезней и колдовских чар.

По представлениям абадзехов, сама Мария сходила в этот день с небес на землю, принимала участие в празднике, благословляя и награждая присутствующих. Успение Пресвятой Богородицы являлось одним из самых важных, глубоко укоренившихся в религиозном сознании отголосков христианского мировоззрения. По данным А.О. Махвич-Мацкевича, даже на той территории абадзехов, где впоследствии был распространен ислам, память об Успении Богородицы чтится также высоко, как и на территории абадзехов-христиан [18]. Участником таких обрядов в юношеском возрасте в 40-60-е гг. XIX в. мог быть и З. Брантов.

Данные Т. де Мариньи и А.О. Махвич-Мацкевича отделяют четыре десятилетия, тем не менее, спустя столь длительное время, наполненное событиями Кавказской войны, проповедью

ислама, мы находим следы христианства в верованиях адыгов.

Процесс исламизации адыгов начался с периода захвата Османской империей черноморского побережья в XV в., хотя часть историков связывает начало этого процесса с Золотой Ордой, и относит его к XIV в. Движение шейха Мансура в 1785-1791 гг. способствовало становлению ислама на Северном Кавказе. Но процесс исламизации был неравномерным в различных областях Северо-Западного Кавказа. По свидетельству Зачерия Брантова, ислам пришёл к адыгам-абадзехам сравнительно недавно. Причиной этого, по мнению автора, было то, что не было среди них подготовленного человека, который бы занимался его проповедью. Начало внедрения ислама у абадзехов он относит к 1800 г., когда мусульманский правитель, имеется в виду турецкий султан, прислал к абадзехам и шапсугам своего представителя — адыга-проповедника Занокова Карабатыра-пашу [19]. Проповедуя ислам, он настаивал на приобщении к этой религии молодежи, с тем чтобы послать их на воинскую службу в Турцию. Можно сделать вывод о том, что религиозная пропаганда имела целью прагматичную задачу вербовки в армию адыгской молодежи. Аргументировал он это тем, что со временем все абадзехи и шапсуги окажутся под властью Турции. Некоторые соглашались с ним, утверждая, что надо дать своим детям достойное образование и принять ислам. Но часть населения отвергла предложение, не желая менять религию, в которую верили предки. Тщетно пытаясь уговорить адыгов, Заноков прожил среди них два года и уехал ни с чем.

В 1815 г. турецкий султан прислал некоего Хаджи-Магомета-пашу. На собрании представителей шапсугов и абадзехов он настаивал на изучении Корана, службе в армии турецкого султана. При соблюдении этих условий он обещал турецкое подданство и возможность получения образования в Турции. Общество опять раскололось. Прошло около двух лет в непрекращающихся

спорах. После всех этих перипетий Магомет-паше стало известно, что на него готовят покушение под предлогом, что он может разрушить единство адыгов, и он уехал в Стамбул.

В 1825 г. Умар-паша из рода арнаутов [20] уговорил мусульманского правителя послать его к абадзехам с целью склонить их на сторону Турции. Проводя пропаганду среди абадзехов и шапсугов, он предложил заняться образованием, уверовать в ислам, а молодым адыгам — служить в войсках Турции. Но и он не нашел поддержки среди населения и уехал в Стамбул. Большинство населения, по-видимому, немного знали об исламе как о целостной системе. Поэтому проблематичным для адыгов той эпохи было осознание принадлежности к мусульманской культуре.

В 1835 г. в Черкесии появился первый эфенди-просветитель Усток. Им было открыто около ста медресе, в которых люди, обученные им самим, обучали других читать Коран и судебные уложения. Только после такого обучения, подчеркивает З. Брантов, многие стали лучше понимать ислам. Именно процессу осознанного вхождения адыгов в мусульманскую умму [21] автор придает большое значение, заостряя на нем внимание.

Не ставя своей задачей освещение истории распространения ислама и его идеологии, остановимся на нем лишь в той мере, в какой он влиял на политическую обстановку в Черкесии в 40-х гг. XIX в. В этот период общение с внешним миром, в связи с установлением полной блокады побережья, было осложнено. Надежд на помощь не было. Это привело к тому, что адыги стали видеть путь выхода из сложного положения во внутренней консолидации. Этому в немалой степени способствовал пример Шамиля. Наибы Шамиля в Черкесии, Хаджи-Магомет (1842-1843 гг.), Сулейман-эфенди (1843-1846 гг.), Магомет-Амин (1848-1860 гг.), способствовали усилению позиций мусульманского духовенства, которое до этого было малочисленным и не имело среди адыгов влияния.

Ислам оказался той религиозной моделью, которая ориентировала адыгское общество на консолидацию. Население было обложено налогами. В своей деятельности наибы настаивали на ведении духовного суда по шариату [22], провозглашали равенство всех мусульман. Но шариат во многом противоречил адатам [23], а провозглашенный принцип равенства состоятельными условиями трактовался как покушение на их благосостояние. Суды шариата вызывали критику со стороны населения. Сложилась поговорка: «Когда раскроется Коран, то у тебя всегда одною козю в стаде меньше, обвинитель ли ты или обвиняемый» [24]. Тем не менее, в результате деятельности наибов, особенно Магомет-Амина, пошел процесс изменения адыгского общества. Постепенно исламская практика становилась частью общественной и личной жизни в адыгском социуме.

Окончательное утверждение ислама произошло у адыгов только в середине XIX в., хотя жители побережья от Геленджика до Хизе [25], продолжали оставаться язычниками. Ислам получил широкое распространение среди дворянства. В начале XIX в. распределение шло по географическому признаку. Адыги, проживавшие на границах с Россией, придерживались христианства, на границах с татарами — ислама, в центре Черкесии — придерживались смеси православия, ислама, язычества. Отзвуком этого синкретизма является клятва, распространенная и сегодня: «Къэхь Теурат, къэхь Инджыл, къэхь Къуршэн» («Клянусь Торой, Евангелием и Кораном») [26].

Таким образом, в религиозных представлениях населения одновременно сосуществовали три линии: языческая, христианская и мусульманская. Верования адыгов XVIII-XIX вв. представляли собой смешение различных по существу религиозных понятий, что создавало конфессиональную нестабильность. События Кавказской войны способствовали усилению влияния ислама, но, несмотря на это, отголоски язычества и христианства продолжали существовать в адыгском обществе.

В этой ситуации З. Брантов делает для себя выбор в пользу ислама и становится ревностным мусульманином.

Проникновение России на Кавказ автор относит к 1800 г. и освещает его в хронологической последовательности, с точным указанием дат и географических названий на адыгейском и русском языках. Сам автор не был свидетелем многих событий, но в своём повествовании ссылается на очевидцев событий, передавших ему информацию.

Начало войны между Россией и Абадзехией он относит к 1850 г., когда русские войска пришли в Абадзехию. В течение 12 лет — до 1862 г. продолжались военные действия. Часто они носили локальный характер. Когда царские войска начинали наступать на аул, абадзехи выходили им навстречу и сражались с неприятелем. Автор указывает и мотивы войны, в первую очередь, он говорит о свободе и независимости родной Абадзехии. После сражения эфенди произносили молитву, погибших возводили в святых. Погибших и раненых было много.

Во время битвы при Тхапципэ, произошедшей в 50-е годы XIX века (к сожалению нам не удалось соотнести название в источнике с современной географией региона и установить точную дату этого сражения), продолжавшейся три дня и три ночи, погибло много людей, в том числе оказавших поддержку абадзехам убыхов и шапсугов. Не вернулись с боя и большинство людей из окружения З. Брантова. Он упоминает Брантова Тлигубжа, вместе с которым, в один день, погибло шестеро сыновей. Павших в бою хоронили вместе. Называли это шахидским [27] братским кладбищем. Полностью был уничтожен русский полк. Но на место одного русского, по замечанию автора, вскоре вставал другой. На место погибшего адыга становиться было некому. Осталось много сирот, большинство из которых попало в плен. Обо всем этом автору рассказали участники этой войны — Хакуринов Тлостанал, Бешуков Тхайшау, Ожев Даур. Фамилии семей, выходцы из которых отличились

в битвах, сохранила живая память народа, а затем они были зафиксированы в письменных источниках.

Но часть адыгов воевала и на стороне России, получив от этого, по мнению автора, личную выгоду в виде высоких чинов и положения.

Большую роль в истории абадзехов середины XIX в. сыграл Магомет-Амин — политический и военный деятель времен Кавказской войны. Ему уделено много места в повествовании. Сам автор являлся подростком в период активной деятельности Магомет-Амина. Поэтому если он не был непосредственным свидетелем, то много слышал о великом наибе. В памяти адыгов он остался, прежде всего, как человек, стремившийся защитить и объединить адыгские племена в сложный период истории, связанный с борьбой за независимость.

История адыгов подается в форме рассказа, который обычно неторопливо ведут мужчины по вечерам в хачеце. «Абадзехский сказ», переданный Зачерием-хаджи, это не изолированный документ, а источник, взаимодействующий со своей социальной средой, с окружающим миром, с культурной традицией. В какой-то мере это коллективный труд многих поколений, которые бережно хранили известия о своем прошлом и передавали потомкам. Эти сказы должны были способствовать процессу социализации членов общества. Понимание плохого и хорошего должно было влиять на восприятие человеком окружающего мира. Осуществлялась связь традиционного сознания с поведенческими стереотипами, присущими членам данного этноса. Исторический фольклор адыгов давал возможность сохранить свое понимание прошлого, сделать анализ событий, извлечь урок для будущего, передать его посредством устного рассказа потомкам. Понимание настоящего выкристаллизовывалось через сравнение с прошлым. Несмотря на то, что автор почти не говорит о себе, доминирующим фактором в произведении становится личность самого автора, реализующаяся в его оценках событий

и людей, которые он постоянно соотносит с мнением остальных.

Таким образом, материалы, собранные З. Брантовым, дают возможность создать целостную картину функционирования в XIX в. культурно-исторической области Абдзехия. Работа поражает обилием имен, историко-культурных сведений, которые утеряны. Может быть, тут присутствует излишняя детализация образа жизни абдзехов. Но при отсутствии каких-либо аутентичных письменных источников зачастую нам не хватает такой информации о социо-

культурной среде адыгов в прошлом. Автор представил нам многоцветное полотно жизни адыгского общества, раскрыл общие черты социальной жизни, вписал их в географическую среду. Подводя итог, можно задаться вопросом, что же кажется важным автору в истории адыгов, на чем он заостряет внимание? Прочитав это повествование, понимаешь, что он выделяет две составляющие — пространство и людей. Его очаровывает родной край, а предметом постоянных размышлений являются деяния конкретных людей.

Примечания:

1. БрэнтГэ Хьаджэ Зэчэрый. Абдзэхэкъэбар // Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Папка 79. Д. 1-29.
2. Там же. Адыгэмылгъапсэр...
3. Там же. Адыгэкъэбарыжъ...
4. Махвич-Мацкевич А.О. Абдзехи. Их быт, нравы и обычаи // Народная беседа. 1864. №3. С. 2.
5. Миллер А.А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. Т. II. С. 59-61.
6. БрэнтГэ Хьаджэ Зэчэрый. Абдзэхэкъэбар // Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Папка 79. Д. 1-29. Мэзмаеабдзахэмэ хапГэ зэрэщаубытыгъэр.
7. Десятина — русская поземельная мера, равная 1,0925 га.
8. Сажень — старорусская единица измерения расстояния равная 2,1336 м.
9. Наиб (араб.—заместитель) — в некоторых странах Ближнего Востока заместитель или помощник начальника или духовного лица. В имамате Шамиля — его уполномоченный, осуществлявший военно-административную власть на определенной территории.
10. Махвич-Мацкевич А.О. Указ. соч. С. 27.
11. Там же. С. 5-6.
12. Майст — обувь из кожи.
13. Махвич-Мацкевич А.О. Указ. соч. С. 4.
14. БрэнтГэ ХьаджэЗэчэрый. Абдзэхэкъэбар // Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Папка 79. Д. 1-29. Абдзэхэпщынэо Гаэзэхэр, джэгокЮ Гаэзэхэр.
15. Мотрэ А. де ла. Путешествие господина А.де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 141-142.
16. Махвич-Мацкевич А.О. Указ. соч. С. 25.
17. Маринь Т. де. Поездки в Черкесию / сост. и пер. с фр. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-фа, 2006. С. 155.
18. Махвич-Мацкевич А.О. Указ. соч. С. 8-13.
19. Занок, Карабатыр — представитель княжеской фамилии Зан, имевшей владельческие права над племенем хейгаков в окрестностях Анапы.
20. Арнауы (тур. Arnavut) — название албанцев у турок.
21. Мусульманская умма — совокупность мусульман, живущих во всем мире, а также чувство причастности к истории ислама, унаследованной от прошлого.
22. Шариат — аш-ШАРИ'А («прямой, правильный путь»; закон, предписания, авторитетно установленные в качестве обязательных) — шари'ат, комплекс закрепленных прежде всего Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение.
23. Адат (араб. — обычай) у мусульманских народов обычное право, противопоставляемое шариату.
24. Махвич-Мацкевич А.О. Указ. соч. С. 30.

25. Хизе — общее название речек Осакай, Казий, или Казиап, Берендуапъ, Десхатъ, Бу или Буапъ.
26. Земля адыгов / под ред. А.Х. Шеуджена. Майкоп: Качество, 1996. С. 410.
27. Шахид — пожертвовавший собой за веру, погибший мученической смертью.

References:

1. Brente Hadzhezechery. Abdzehekebar // Archive Adygeysky Republican Institute for Humanities Research. F. 1. Folder 79. D. 1-29.
2. Ibid. Adygemylapser...
3. Ibid. Adygekebaryzh...
4. Makhvich Mackiewicz — A.O. Abadzekhs. Their way of life, customs and traditions // Folk conversation. 1864. №3. P. 2.
5. Miller A.A. Circassians' projects // Proceedings of the ethnography of Russia. St. Petersburg.: Creative activity of R. Golicke and A. Vilborg, 1914. V. II. P. 59-61.
6. Brente Hadzhezechery. Abdzehekebar // Archive of Adyghe Republican Institute for Humanities Research. F. 1. Folder 79. D. 1-29. Mezmaeabdzaheme hape zereschaubytyger.
7. Desyatina— Russian landed measure equal to 1.0925 hectares.
8. Sazhen — Old Russian unit of distance equal to 2.1336 m.
9. Naib (deputy Arabic) — in some countries in the Middle East or the deputy or assistant chief cleric. In the Imamate of Shamil — his designee, to carry out military and administrative authority on the certain territory.
10. Makhvich Matskevich A.O. Ordinance. Op. P. 27.
11. Ibid. P. 5-6.
12. Maist — leather shoes.
13. Makhvich Matskevich A.O. Ordinance. Op. P. 4.
14. Brente Hadzhezechery. Abdzehekebar // Archive Adyghe Republican Institute for Humanities Research. F. 1. Folder 79. D. 1-29. Abdzehepschyneo azeher, dzhegoko lazeher.
15. Motrais A. de la. Mr. Motrais A. de la journey in Europe, Asia and Africa // Circassians, Balkar and Karachai in news of European authors XIII-XIX centuries / Comp. V.K. Gardanov. Nalchik: Elbrus, 1974. P. 141-142.
16. Makhvich Matskevich A.O. Ordinance. Op. P. 25.
17. Marigny T. de. Trip to Circassia / comp. and transl. from Frenchr K.A. Malbakhova. Nalchik: El — Fa 2006. P. 155.
18. Makhvich Matskevich A.O. Ordinance. Op. P. 8-13.
19. Zanokov, Karabatyr — Zan Representative of princely family, which had a possessory rights over the tribe Heygaks near Anapa.
20. Arnauts (Turkish Arnavut) — the name of the Albanians from the Turks.
21. The Muslim Ummah — the totality of Muslims living in the world, as well as a sense of belonging to the history of Islam inherited from the past.
22. Sharia-al-shari'a («straight, the right way»; law, regulations, authoritatively established as mandatory) shari'a, set forth primarily by the Qur'an and Sunnah regulations that define beliefs, form moral values and religious Muslim conscience and act as sources of specific rules governing their behavior.
23. Adat (Arabic — custom) in Muslim nations, customary law is opposed to Sharia.
24. Makhvich Matskevich A.O. Ordinance. Op. P. 30.
25. Hythe — common name Osakay rivers, Kazy or Kaziap, Berenduap, Deskhat, Boo or Buap.
26. Adyghe Land / ed. A.H. Sheudzhen. Maikop Quality, 1996. P. 410.
27. Shahid — man sacrificed himself for his faith, who died a martyr's death.